

К 75-ЛЕТИЮ СЕЙРАНА САХАВЕТА

СЕЙРАН САХАВЕТ

Лейли-Меджнун» и заведующий фермой

Рассказ

Перевод Ханлара ЗИЯЗАДЕ

Минуло всего сорок дней со дня смерти Сталина. Миллионы платков испробовали соленый вкус слез. Безграничное пространство Союза Советских Социалистических Республик напоминало огромный сиротский дом с детсадовским уклоном – а может, и не напоминало, а и было таковым.

У недостигшего совершеннолетия большого и разномастного народа умер отец – остаться без отца очень плохо. С этой точки зрения Сталина можно считать самым многодетным отцом мира.

Дети остались без опеки. Не прошло и пятидесяти лет после этого, как в стране Сталина заухали совы, все разрушилось – разрушился и его Союз.

Некоторые из шедших по весне на солончаки баранов съедали пропитанные солью платки, и уже к утру мозг их окончательно разъедался этой солью. Ну, а хозяева тех платков не могли ничего найти, чтоб утром высморкаться ...

Я хорошо помню то время, мне было семь лет – я был взрослым мужчиной. Мне казалось, что весь советский народ, так же, как и у нас в деревне, расцарапывая и разбивая себе лица и головы, громко рыдая, кричит, причем на нашем языке:

– Эх, Отец, на кого ты оставил нас, о-о-о-о-ой!.. Ох, Отец!.. Эх, Отец!.. Ох, Отец!..

Вообще-то он был не Отцом, он был Дедом. После Ленина Сталин был нашим вторым Дедушкой, но мы не знали, кому он был Дедушкой со стороны отца, а кому – со стороны матери...

...В самый последний день первой весны, пришедшей в страну после Великого осиротения, заведующий колхозной фермой Фамиль, прихватив жену Нису, отправился в Баку.

Фамиль не был знаком ни с одной из тридцати двух букв алфавита – он и не смог бы узнать их, некому было познакомить их, но во второй мировой войне он воевал за Сталина. Ему не довелось учиться в средней школе, но зато была школа войны, и ее, пусть и не с «отличием», он окончил живым и здоровым.

С первого дня войны, когда Фамиль, закинув на плечо сотканый бабушкой хурджун, отправился выяснять отношения с Гитлером, вплоть до возвращения домой, в душе он всегда разговаривал с Нисой, и эти его разговоры можно было бы принять за ежедневные ненаписанные письма Нисе.

В тот день, когда Фамиль вернулся с фронта домой, он твердо уверовал в то, что, не пойдя он воевать, советский народ никогда не смог бы одержать победу над фашизмом...

Он женился за три года до войны. Когда он уходил на фронт, у него был один сын – один сын за три года тоже неплохой результат.

Когда жители Йеддипара, одной из самых больших деревень Гарабаха, разговаривают, даже сегодня, на семнадцатом году двадцать первого века они с упоением рассказывают историю любви «Фамиля-Нисы», иногда добавляя свои фантазии, возвышая эту любовь до уровня легенды, передают легенду из поколения в поколение.

Поэтому со дня образования деревни Йеддипара и по сегодняшний день там имел место всего один случай расторжения брака. Старики говаривали, что из-за этого невиданного события вся деревня погрузилась в траур – будто бы произошло сильное землетрясение, и деревня превратилась в развалины, были убитые и раненые – вот так вот...

Двоюродный брат Фамиля рассказывал, что тот носил Нису на руках, надыхаться на нее не мог, и если б он не стеснялся и не боялся людской молвы, то сам бы мыл посуду и стирал, месил тесто, пек в тендире хлеб, пахтал масло, прятал на прялке, купал детей – не было б людей, он готов был стерпеть все это без вздоха сожаления...

Фамиль видел Баку два раза: первый раз – когда шел на войну, второй – когда возвращался с нее.

Тот Баку, что он видел, уходя на фронт, не приведи Господь увидеть никому – его сердце обливалось черной кровью, и Ниса, цвета этой самой крови, стояла у него перед глазами – с концов ее кос падали капли крови.

Баку, который он увидел, возвращаясь с фронта, дай Бог увидеть каждому... И его хурджун был с ним, хурджун, сотканный его бабушкой, настоящее произведение искусства, хурджун, что он носил на плече с начала войны до самого ее конца, в одном отделении – его пожитки, а в другом – голова Адольфа Гитлера... как вам такое... как бы то ни было, так казалось Фамилю; по правде говоря, и я тоже такого мнения...

На поездку в Баку Фамиля воодушевил и благословил его двоюродный брат, счетовод колхоза Аскер.

– Фамиль, долгих лет тебе, клянусь своим здоровьем, – он шлепнул себя по щеке, – прости Господи, напасти Имама Гусейна ничто по сравнению с тем, что я видел, давай езжай, езжай... сам все увидишь, родной...

Аскер только недавно вернулся из Баку. Они с любимцем деревни, шофером Машаллахом, ездили в столицу, чтобы пригнать для колхоза грузовую машину «полуторку», причем новехонькую. Встречали эту машину жители Йеддипара как праздник «Новруз» – вместе со всей живностью, с кошками и с собаками, все собрались вокруг этой машины. Ну, а шофер Гара Машаллах стал в глазах жителей первым парнем на деревне; теперь для жителей деревни уважение и почет к нему были даже намного выше уважения и почта к изобретателю этой машины; все видели в нем действительного члена Академии Гордости этой деревни; и в то время это было священный правом Гара Машаллаха.

Не будь это временем, когда мир был чист, как саван, и непорочен, может, Гара Машаллаха и не уважали и не почитали на уровне Героя Советского Союза, и это чистая истина...

Дядя жены Аскера Салман киши работал «завхозом» – директором хозяйственной части в Азербайджанском Государственном Университете имени Сергея Мироновича Кирова в Баку – был уважаемым человеком. И зятя своего Аскера именно он отвел на оперу «Лейли-Меджнун», которая произвела на того такое впечатление, что из Баку до Йеддипара он добирался, то и дело пуская слезу, ругая отца Лейли до седьмого колена, но так и не успокоившись. В деревне он решил, что может облегчить душу, поделившись чувствами со своим двоюродным братом Фамилем, ему казалось, что Фамиль был главным специалистом в вопросах любви.

А Фамиль ночью, при свете керосиновой лампы, когда дети уже спали, изложил все, что услышал от Аскера, во всех мелких деталях Нисе – Ниса сокрушалась. Да и Фамиль не мог не высказаться; он выпотрошил весь род отца Лейли при Нисе. И Ниса не могла оставаться безразличной к этому выдающемуся произведению двух гениев – Мохаммеда Физули и Узеира Гаджибейли; она рыдала всю ночь до первых лучей солнца, оплакивая Лейли и Меджнуна, – утро она встретила, так и не сомкнув глаз...

У родника Аскерхана Ниса, растрогавшись и расчувствовавшись, горя негодованием, во всех деталях пересказала все услышанное ею от Фамиля женскому населению деревни – они тоже расчувствовались и растрогались, жар их негодования достиг небес, желание не отстать от Нисы сподвигло их также задать хорошую трепку отцу Лейли, не скупясь на всевозможные, я бы даже сказал, избыточные эпитеты...

На ферме Фамиль, также переполненный чувствами и эмоциями, расчувствовавшись и растрогавшись, собрал всех и с тем же жаром негодования в деталях пересказал, говоря современным языком, своим сослуживцам все услышанное от Аскера – они тоже растрогались, и жар их негодования окончательно подпалил небеса, и они, не желая оставаться в стороне, тоже задали трепку отцу Лейли, причем выражения здесь были намного жестче, чем у женщин, собравшихся у родника Аскерхана...

По дороге от родника Аскерхана женщины и девушки рассказывали всем, кого встречали, историю, услышанную от Нисы, и те, кто слышал их рассказ, как могли, да и как не могли, поносили последними словами отца Лейли, говорили о нем все, что могло, да и то, что не могло прийти им в голову.

Работники фермы также пересказывали все услышанное от Фамиля всем и каждому – и все, слышавшие их рассказ, как могли, да и как не могли, поносили последними словами отца Лейли, говорили о нем все, что могло, да и то, что не могло прийти им в голову. Говорят, что работающий пастухом на ферме Гадимали киши пошел еще дальше и при женщинах и детях обругал даже могилу отца Лейли.

Деревня Йеддипара, как говорится, была очень настойчивой в демонстрации своей независимой позиции в вопросе Лейли-Меджнуна. Дошло до того, что, не приведи Господь, если бы кто-нибудь из жителей деревни решил бы свести счеты с жизнью и покончить с собой (еще раз – не дай Бог!), для этого сейчас появился прекрасный шанс; очень просто, нужно было только выйти в центр деревни во время нахождения там всего населения и сказать: «Было бы у меня семь слепых дочерей, я ни одну из них не отдал бы за Меджнуна, он же натуральный безумец...», и все дела: его бы закидали камнями и разорвали бы надвое, как Азербайджан – в 1813 году...

Господи, насколько чист был этот мир во времена Фамиля-Нисы, как Глаза Младенца – а мы и не знали; потому не знали, что думали, мол, так и должно быть... О, наивные и доверчивые Божьи создания...

Дядя жены Аскера, Салман киши, очень душевно встретил Фамиля-Нису на железнодорожном вокзале Баку.

Покидая деревню, Фамиль сказал:

– Не беспокойся, Аскер, я не опозорю тебя перед родственниками твоей жены.

Рядом с ним Ниса, в кармане у него денег достаточно, хватит на расходы пяти мужикам; он собирался купить в Баку игрушек и гостинцев детям и отрез дорогой ткани для Аскера и его жены, учительницы Зарифы, пошьют и будут носить.

Ну, и купе в вагоне было заполнено: завернутый в мадаполам двадцатикilлограммовый барашек, один бидон домашнего масла, деревенские сливки, сельдерей, трава мокрица, щавель, серебрянка, чертополох, папоротник, мать и мачеха, горох, хлеб из тендира, и еще... еще...

Деревня всегда вот так оказывала уважение городу. Йеддипара всегда, даже в самые тяготные моменты войны, была деревней хлебосольной. В голодные-холодные времена многие из высокогорных районов искали помощи в этой деревне, находили здесь прибежище, и в итоге превращались в йеддипаринцев, становились их частью...

Ниса прихорашивалась перед большим зеркалом в спальном комнате в квартире Салмана киши на четвертом этаже. Закончив одеваться, в самом конце, она надела свой бешмет. Не знаю, с какой стороны она бы на себя ни смотрела, все ей нравилось – она даже покрутилась перед зеркалом и огорченно подумала: «В такой деревне, как наша, со всем ее достатком, нет даже одного простого зеркала, чтоб хоть раз в сто лет можно было посмотреться в него. Скажу Фамилю, чтоб перед отъездом купил одно зеркало, отнесу его к роднику Аскерхана, чтоб женщины могли смотреть на себя. Если я попрошу, он купит...»

У сшитого из натурального китайского бархата архалука (короткого бешмета) и воротник, и манишка были расшиты вручную – орнамент вышивки притягивал взгляд. Вшитые в подол и рукава серебряные монеты заметно увеличивали вес архалука – делали его тяжелее. Этот архалук был таким же тяжелым и сверкающим, как увешанные орденами и медалями кители ветеранов, выходящих в наши дни на военные парады по случаю дня Победы Девятого Мая. Этот архалук Нисе через три дня после их свадьбы – то бишь, на отводину (три дня после свадьбы), вручила ее свекровь, как дар невесте. Говорят, что и свекрови Нисы этот архалук в свою очередь тоже достался в подарок от ее свекрови. У Нисы было несколько архалуков – и все на выход – один краше другого; но она намеренно выбрала черный – строгий, ведь она приехала не столько ради того, чтоб посмотреть и послушать оперу «Лейли и Меджнун», а, скорее, как на поминки, на оплакивание несчастных. Большой, черный, с вышитыми краями платок Ниса положила в карман архалука еще дома в деревне – она хорошо знала свой характер... знала, что выплечет все глаза...

Ниса надела на голову сшитую из черного китайского бархата, украшенную золотыми николаевскими червонцами 1898 года чеканки шапочку и забросила косы на спину. На секунду взглянув на себя и оставшись довольной, она надела свое украшенное блестящими бусами ожерелье с золотым полумесяцем, серьги тоже заняли свое место. Она очень понравилась самой себе – так же, как она нравилась Фамилю...

Как они и условились заранее, Ниса постучала в дверь изнутри – тем самым говоря, мол, я готова – она и так задерживалась больше, чем на полчаса.

Фамилю, чтоб одеться, потребовалось времени совсем ничего; он натянул на себя брюки, носящие имя французского генерала Галифе, перетянул пояс офицерским ремнем и, надев на себя привезенный им с войны и предназначенный для особых случаев китель под цвет брюк галифе, застегнул все его золотистые пуговицы.

Два дня назад, отправляясь за билетами, Салман киши спросил не у Фамиля, а у Нисы, какие места они предпочитают. Это удивило Нису: «Что он, не спросив у Фамиля, спрашивает у меня?» Когда Салман киши, повернувшись лицом к Нисе, спросил во второй раз, она ответила:

– Дядя Салман, пусть будут такие места, откуда я могла бы их видеть сблизи...

– Они, это кто?

– Я говорю о Лейли и Междуне, да... этих несчастных...

Ну, и Салман киши купил билеты в первый ряд.

В зале было шумно: если б туда залетел рой мух и хором жужжал, не было бы слышно ни одной из них. Нису немного раздражали разговаривающие и смеющиеся зрители: «Что за люди, сестрица, они что, на свадьбу пришли... было б к добру...»

Салман киши с манерностью, которую Фамиль не упустил из вида, снял шапку и положил ее себе на колено. Фамиль повторил то же самое – он снял свою праздничную каракулевую папаху и положил на колено, еще немного придвинул ее ближе к себе, как бы укладывая папаху поудобней.

Вскоре после того, как заполнился зал, погас свет. Если бы сейчас внутрь залетела одна муха из того роя, ее жужжание было бы слышно всем.

Темнота словно просачивалась из-под пола: она заполнила зал и, казалось, вытекает наружу сквозь закрытые окна и двери. Тьма была как густая грязь, и Ниса, со сжавшимся сердцем, хлопая глазами, вначале ощутила эту густоту ресницами, затем почувствовала ее сцепившимися в замок кистями рук. Поднялся занавес; как только в зале стало светлее, Ниса посмотрела на свои руки, потом прикоснулась пальцами к ресницам, как бы успокаивая себя.

Спектакль начался. Ну, а Ниса начала вскоре после начала спектакля – выплакивать глаза. Её соленые, чистые слезы впитывались в платок, исчезали, не теряя своей солености.

Если бы один из баранов, пасшихся на солончаках в начале весны, зашел сейчас в театр Оперы и Балета и, вырвав из рук Нисы ее черный платок, съел бы его, то через пять-шесть часов он обезумел бы от разевшей его мозг соли, и бродячие собаки, околачивающиеся вокруг этого храма искусства, хорошо «попиrowали» бы за счет Лейли и Меджнуна.

Однако ни один из этих баранов не зашел в театр Оперы и Балета и не вырвал из рук Нисы ее черный, мокрый, соленый платок, и не съел его, и через пять-шесть часов после окончания спектакля не обезумел, и бродячим собакам, околачивающимся вокруг этого храма искусства, не удалось хорошо «попиrowать» за счет Лейли и Меджнуна.

До окончания спектакля оставалось немного. Ниса, как прачка выжав черный платок, несколько раз осторожно встряхнула его, чтоб он просох. Но черный платок высох не раньше, чем слезы Нисы...

Ниса нашла возможность укорить и саму себя: надо было взять с собой полотенце или чтонибудь в этом роде, черный платок не справится с таким горем. Затем, подумав, что у них в доме нет черных полотенец, она совсем отчаялась.

Комок гнева с кулак ребенка стиснул горло Нисы. Она непроизвольно, не переставая, поглаживала горло пальцами правой руки.

И Фамиль, по принципу сообщающихся сосудов в физике, был в таком же состоянии, что и Ниса. С одной только разницей, что Фамиль был мужским вариантом Нисы – не знаю, можно ли назвать это разницей...

Была жаркая пора страды в сельском хозяйстве, и поэтому во всем вагоне, кроме Нисы и Фамиля, было лишь пять-шесть пассажиров. В купе их было двое. Два стакана чая, что после отправления поезда им принесла бойкая, средних лет армянка-проводница, стали холодными, как лед.

Молчаливая пауза тоже превратилась в лед, им было холодно. Не найди Ниса возможности вымыть черный платок дома у Салмана киши, то сейчас на столе в ломаных, как солома, лучах заходящего солнца виднелось бы множество блесток размером с кончик иглы.

Нарушить это холодное молчание было не под силу одному человеку. Это молчание, как каменная стена между ними, не позволяло Нисе и Фамилю смотреть друг на друга – она глядела вниз, он – прямо. При необходимости Фамиль один стоил пятаков и сейчас эти «пятаки» захотели нарушить молчание:

– Ниса...

– Что?

– Да так, ничего...

Молчание даже не дрогнуло, и они снова потеряли друг друга, снова стена...

– Ниса...

– Что?

– Знаешь, что пришло мне в голову, – он посмотрел Нисе в глаза.
– Что пришло тебе в голову?
– Я вот думаю: через месяц-два сходим еще раз на «Лейли-Междун»...
– Председатель не разрешит.
Ниса посмотрела ему в глаза, но без всякой надежды.
– Разрешит... – ответил Фамиль уверенно, отчего безнадежность Нисы дрогнула.

– Откуда ты знаешь?
– Знаю.
Ниса так верила своему мужу, что устало сказала:
– Ну, скажи, чтоб и мы знали тогда...
Фамиль устроился поудобней, заворочавшись на месте:
– Председатель и в этот раз не хотел отпускать меня. Я сказал ему, не приведи Господь, что, мол, Ниса приболела, отвезу, покажу ее доктору. После этого он смягчился, а до этого не хотел ничего слушать. Наверное, он будет справляться о тебе, когда мы увидимся, скажу ему, доктор прописал разные лекарства, сказал, чтоб пила их, и чтоб приехали через месяц на очередное обследование.

Ниса улыбнулась, и ее улыбка растопила последние запрятавшиеся по углам и щелям осколки молчания:
– А-а-а... ну, тогда разрешит, – сказала она, – а ты постарайся, чтоб у тебя не было недостачи в плане по молоку, вот тогда никто тебе ничего и не скажет, да.
Опять повисло молчание, но они не подали виду, и оно снова отступило. Вдруг Ниса вскрикнула:
– Но Фамиль, ведь тогда никто не узнает, что мы ходили на «Лейли-Междуна», – и погрузилась, – если об этом узнает председатель...
– Ну и пусть узнает, что тут такого? Я скажу, что после слов доктора у жены испортилось самочувствие, и я, чтоб взбодрить ее, сводил ее посмотреть «Лейли-Междун». Ты сама ничего не говорила женщинам? – он посмотрел ей в лицо.
– Нет... сказала, съезжу, вернусь, вот тогда все узнаете.
– Правильно... Так и расскажешь, что, мол, водил меня к доктору... ну, а потом мы пошли на «Лейли-Междуна»... Надо, чтобы наши слова не расходились. Кроме Аскера никто не знает, ну, а он никому ни слова не скажет.
– Фамиль, а почему Междун не позволил своему другу... как же его звали?
– Послушай, женщина, да так же, как зовут сына Насиб-муаллима, Нофель.
– Аа... Ну вот, почему он не позволил Нофелю, пусть даже силой меча, пойти забрать Лейли и привезти, посадить ее у его очага... почему не разрешил?
– Ей-богу, сказать по правде, вот этого и я не сообразил, – с горечью признался Фамиль.
– Надо было тебе спросить у дяди Салмана... – с сожалением вздохнула Ниса, – городской человек – он бы знал.
– Ей-богу, и у меня было желание спросить, но почему-то я постеснялся...
– Фамиль...
– Что?
– В следующий раз, если мы приедем на «Лейли-Междун»... Как звали сына Насиб-муаллима? – она с ожиданием посмотрела в лицо мужу.
– Старшего звать Гейис...
– Как?
– Гейис.
– Что это за имя, а-а... в первый раз слышу? – удивилась она.
Фамилю представился удобный момент, он словно еще больше приосанился. Самое время показать свою образованность Нисе... Жена сама предоставила ему такую возможность.

– Насиб-муаллим – учитель литературы, поэтому он и назвал своего сына Гейис.

– И что с того, что он преподает литературу? – Ниса не понимала.

– А то, что... – тут он сделал легкую паузу, – а то, что он взял имя Гейис из книги «Лейли-Междун», вот что.

Ниса ошарашенно прикрыла рот рукой – наличие у мужа таких сведений пришлось ей так по сердцу, что лицо ее засветилось, как лампа-тридцатка в доме у председателя колхоза; но настоящая лампа-тридцатка была у нее в сердце, и яркий свет ее, пробиваясь, светил через ее лицо. Лампа-тридцатка вымолвила:

– А что, у Насиб-муаллима есть книга «Лейли-Междун»?

– Да... есть.

– А где он ее купил?

– В Севастополе.

Если бы Фамиль сказал, что он купил ее в Баку, Ниса пристала бы к нему с просьбой: «В следующий раз надо нам тоже купить», так что он запутал Нису.

– А то место, что ты назвал, оно далеко? – спросила Ниса.

– На другом конце света.

– А ты бывал там?

– Ну, а кто, по-твоему, выбил фашистов оттуда, ну, это были мы, конечно. А Насиб-муаллим сражался вместе со мной. Его сын Гейис одного возраста с Аязханом. А откуда, по-твоему, я знаю имя его сына? Он сам мне говорил, что взял имя сына из «Лейли-Междуна».

Рука Нисы опустилась ото рта; и следа не осталось от того елея, что разлился по ее сердцу минутою назад, будто несколько кошек собрались и слизали все масло. Лампа-тридцатка, мерцая, погасла – обе лампы погасли... и как только погасли эти лампы-тридцатки, Фамиль сказал:

– Послушай...

– Что?

– Послушай, вот уж два дня, как ты вся измучила себя из-за этого Междун... а ты хоть знаешь, как его настоящее имя?

– Чье?

– Ну, ради кого ты убиваешься? Я говорю о Междуне... Ты знаешь, какое у него настоящее имя?

– Что это значит, настоящее имя? – Нисы заморгала.

– Имя, записанное у него в метрике (это слово он узнал в армии).

– Что такое «метрика»?

– Бумага о возрасте.

– Ну, Междун его имя, да...

– Нет, его настоящее имя в бумаге о возрасте – Гейс, Гейис.

Неожиданно Междун возник в их купе, их стало трое, повернувшись спиной к Фамилю, он встал прямо на месте той стены, что разделяла их, и стал буравить взглядом Нису.

«Интересно, если б тогда мой отец не уперся двумя ногами в один башмак своего обещания и не отдал бы меня Фамилю, и я ради него превратилась бы в мешок с костями и умерла, тогда, как и Междун рыдал и лил слезы над могилой у Лейли, и Фамиль истекал бы кровавыми слезами над моей могилой... Конечно же... он вонзив кинжал себе в живот, истекая кровью, упал бы там же, обняв мою могилу и испустил бы там же дух. Как же он дорог мне! Спасибо создателю за него»...

– Фамиль...

– Что?

– Фамиль, а кто написал «Лейли-Междун»?

Ниса была уверена в том, что Фамиль знает ответ на этот вопрос, не то в нынешнем настроении она никогда не спросила бы его об этом.

– Низами и Физули написали вместе ... – он посмотрел в лицо Нисе. – А еще я где-то слышал, что и Самед Вургун помогал им, вроде бы... Втроем писали...

Ниса, довольная ответом своего мужа от земли до небес, или даже от Низами до Физули, от Физули до Самеда Вургунa, сказала:

– Фамиль, да не оставит Всевышний ради своего единства твоих детей без тебя – да и меня тоже.

– И тебе того же...

– Спасибо, храни тебя Господь.

Из ярко сверкающих, смеющихся глаз Нисы капало что-то, что прожигало ее колени сквозь одежду, кажется, лампа-тридцатка таяла, таяла, чтобы погаснуть – потому что так гореть было нельзя.

Она взяла Фамилю за руку и когда захотела погладить его ладонь, проводница, армянка средних лет, зашла в купе и сказала:

– Принести вам свежий чай, матах?

Рука Фамиля выпала из рук Нисы, и они в унисон произнесли:

– Нет, мы не не хотим.

Проводница ушла, оставив Нисе и Фамилю два остывших и холодных, как лед, полных стакана чая и заполненное ледяным молчанием купе.

Они одновременно уставились в пол и на самом краю этого ледяного молчания одновременно подняли головы и взглянули друг на друга, от их столкнувшихся взглядов летели искры:

– Да проклянет Господь всех злодеев!

После того, как они «благословили» армянку таким вот образом, они, ей-богу, в один и тот же момент отпили по глотку ледяного чая и положили стаканы на складной стол купе.

Если бы и вы видели их так близко, как я, то и вы бы замерли, прикрыв рты ладонями, это было настоящим чудом (настолько поразительным все это было).

Это чудо, схватив за шиворот, так встряхнуло меня, что мое перо так и осталось зажатым у меня в зубах...

И с этого момента ладонь, прикрывавшая рот, и рука начали усыхать.

«Муж и жена – одно целое» или «Созданы они из одного и того же праха» – все эти фразы избито ощущались на фоне того, что я наблюдал – это был божественный момент, небывалый и неповторимый ... Да вы и сами ведь видели...

То, что я видел, не определяется «целым» и «прахом» – поверьте, чтобы порадовать Бога! Ибо это было Богу угодно, а посягать на это грех!!!

Поверьте в мои слова, а я-то давно уже поверил в легенды о «Нисе и Фамиле», которые парят крылато в Йеддипара, отворяя двери Истины...

– Ниса...

– Что?

– А кто тебе понравился больше всего?

– Дядя Салман... хороший человек...

Фамиль залился смехом:

– Я не имею в виду дядю Салмана, ну ...

– Вот я не поняла, о чем ты говоришь?

– Ну, о «Лейли-Междуне», да.

– Аааа... ну так и скажи, да... Да упокоит Господь души этих двоих, – она прослезилась. – Пусть обителю их душ станут райские кущи, пусть земля им будет пухом...

– И больше ничего не добавишь? – удивился Фамиль. – Мы же разговариваем. Ведем беседу.

– ...

– ...

– А-а-а-а... Нофель хороший парень. Пусть хранит Господь его душу, Аллах един и во имя неделимости своей пусть хранит его для Междуна...

– Аминь...

– А мне стало жалко отца Междуна... этот несчастный не мог найти себе места от горя. А вот отца Лейли я терпеть не могу. Разлучил этих двух молодых влюбленных. Да чтоб Господь наказал его чесоткой и лишил его ногтей! Пусть Аллах подвергнет его лишениям и скинет его с престола Гордыни!

– Аминь!

– Фамиль...

– Что?

– Слушай, ай, Фамиль, знаешь, что вот прямо сейчас пришло мне в голову?

– И что-о-о?

– Ты сделаешь это, если я скажу?

– Я когда-нибудь заставлял тебя просить меня дважды? – спросил Фамиль с любовью и немного обиженно.

– Не-ет, не-ет... что ты... да падут на меня все несчастья.

– Почему же ты сомневаешься?

– Ты не обижайся... Знаешь, если ты не против, давай вначале доедем домой... да... а в следующую среду порежем три-четыре барашка и сделаем поминки по Лейли и Междуну, люди придут, поедят, помолятся за них, каждый скажет молитву, – она в упор посмотрела на Фамиля.

– Ну, мне больше нечего сказать. Веришь ли, клянусь душой Аязхана, я сам хотел тебе сказать об этом, но ты меня опередила, вот те на... у меня нет слов...

Не в первый раз совпадали их желания, и все же Фамиль был удивлен. Будь он писателем – то от удивления остался бы с открытым ртом.

– Ниса...

– Да? Что?

– Ты как будто читаешь мои мысли...

– Мне не впервой... – кокетливо ответила Ниса. – Ты часто говорил мне эти слова...

– Ну, у меня больше нет слов...

– А у меня к тебе есть.

– Говори...

– Не поверишь, вот смотри, клянусь душой Аязхана, я не могла избавиться от чувства, что если я не скажу о поминках, то это сделаешь ты. Просто у меня не хватило терпения, я тебя опередила.

– Ну совершенная правда... мы же с тобой – как один человек, дана.

– Да упокоит Господь душу твоего младшего брата.

– Упокоит Господь душу и твоего отца, – ответил Фамиль.

– Ох, Фамиль, спасибо тебе.

– И тебе спасибо.

Поезд своими железными подковами выбивал чечетку о железнодорожное полотно. Эта музыка очень нравилась Нисе-Фамилю, по дороге в Баку поезд, постукивая, нес их к «Лейли-Меджнуну», а сейчас с тем же постукиванием возвращал их к родному очагу. Хоть Ниса-Фамиль и отдалялись от Баку, они не отдалялись от Лейли-Меджнуна – и Лейли, и Меджнун были с ними, они ехали вместе с ними в гости в Йеддипара, а везли их Ниса-Фамиль – да и купе было четырехместное. Но почему-то проводница армянка никак не хотела замечать их, не принесла чай для Лейли-Меджнуна – может, поэтому два стакана чая стали ледяными, как могила Лейли и плач Меджнуна...

...И в намеченный день Ниса-Фамиль живые-живехонькие решили созвать гостей на поминки – да примет Всевышний...

– Ниса...

– Что такое?

– Я вот что подумал, – Фамиль выглядел, как сделавший открытие человек.

– Ну, что-о-о? – взгляд Нисы буравил Фамилю.

– Ну не знаю, э-э-э-э, ради бога... все в руках Господа, понимаешь, да... каждый день – это что-то новое. Слава величию Творца, я вот думаю, может, в этом месяце Всевышний даст милость душе отца Лейли, он изменит свое решение, и он скажет Междуну: можешь взять девушку, а-а-а? Ведь может так быть...

– А почему бы и нет? Вот, клянусь душою Аязхана, как раз хотела сказать, что пока этот сын осла не вернется на праведный путь, мы можем пять-шесть раз в год ходить на Лейли-Междуну, и однажды, как ты и говоришь, он так и сделает? ...

– Почему бы и нет? Конечно же...

Эти двое от чистого сердца верили тому, что говорили друг другу, и, наверно, сильнее, чем вера в свои слова, была вера в торжество правды и справедливости.

– А может так быть, что уже через месяц, когда мы поедем, у них уже все наладится.

– Да услышит Господь твои слова, эх, Фамиль – тогда и нам не придется попусту мерить дороги.

– Дай Бог, не придется...

Если верить Нисе-Фамилю, выходит, что судьба Лейлы-Междунуна в чем-то зависела от количества поездок этих двоих йеддипаринцев в Баку и обратно.

– Я вот думаю, Фамиль, может, как доберемся до дому, мне стоит сходить к Молле Махмуду, сказать, молла, мы дадим тебе хорошего барашка, если ты уговоришь отца Лейли... как ты думаешь? – она с такой надеждой взглянула на мужа, что, может, за все время, пока они жили вместе, она так никогда не смотрела на него.

– Да, было бы неплохо...да... но вот...

– Что вот?

– Но ведь Молла Махмуд не знаком с отцом Лейли...

– Ну, я поговорю с ним... все разложу по полочкам... скажу, что, мол, так и так...

– Да, вот так можно... И ты скажи ему, чтоб он уже закрыл тому рот так, чтоб он больше и не пикнул по этому поводу, вот! ...

– Хорошо, скажу.

...И вот уже несколько лет Ниса-Фамиль ездили в Баку на встречу с Лейли-Междунум и оставались пленниками грусти и печали. В очередной раз, пролив очередной океан слез по поводу трагедии Лейли-Междунуна, скорбные и печальные, они возвращались из Баку. Вдруг Фамиль сказал:

– Ай, Ниса, не ругай меня, но по-моему, как ты говорила, этот выучный осел чуть смягчился, эээ.

– А что ему делать, Молла Махмуд так заговорил его, что... Ты что не видел, как у него заплетался язык?

– Видел... видел...

Оба говорили откровенную ложь; оба пытались утешить друг друга, и эти слова утешения были цвета лжи – красное утешение, красное-прекрасное утешение...

– Фамиль, ты знаешь, как я сказала?

– Как?

– Я сказала: Молла Махмуд, заклинаю тебя кровью, пролившейся из превратившихся в солому рук наказанного сына Али Абульфазы Аббаса, вот этой землей, на которую пролилась та кровь, сделай что-нибудь по этому поводу. А когда я упомянула хорошего барашка, глаза его засверкали, я поняла, что у Междунуна все будет хорошо. Несчастная Лейли после этого успокоится наконец...

– А что в таком случае сказать о Междуне... – добавил Фамиль.

...С полудня село начало бурлить и постепенно с клотанием закипать. Несмотря на свой мягкий характер, Фамиль был гордым, знающим себе цену мужчиной не робкого десятка. На свадьбу его первого сына Аязхана, света очей своих родителей, он пригласил из Баку известного певца-ханенде. Все село, принарядившись и прихорошившись, готовилось к свадьбе.

– Дай Бог здоровья Фамилю, посмотрите, кого он пригласил на свадьбу...

– Э-э-эх, если есть деньги, то... он может себе это позволить...

– Говорят, он дал обет...

– Да воздаст Всевышний тем, кто этого заслуживает...

Молва, раскинув крылья, носилась по всей деревне.

Это было время, когда Дорогому Никите Сергеевичу Хрущеву только что указали на дверь. В оборот вошли новые деньги. Вот уж пять-шесть месяцев, как в деревню провели радио. Поговаривали, что в следующем году в село даже проведут электричество.

Ниса не могла нарадоваться, готова была пуститься в пляс.

От гордости Фамиля распирало, и он стал ростом с тысячелетиями возвышавшейся, как богатырь, напротив деревни Йеддипара горой Гарагузей.

Село Йеддипара никогда прежде не было наполнено такой спесью: не шутка, к ним в деревню на свадьбу пожаловал певец, выступающий по радио.

Самым большим семейством в этой деревне были Мурадханлы – и Фамиль был из их рода. Все в роду Мурадханлы имели голос: кто мог петь – пел, ну, а кто не мог, так просто напевал себе под нос.

Свадьба тихо-тихо набирала обороты; ну а, как говорится, тихо едешь – дальше будешь...

Занимавший по традиции самое главное место на свадьбе тамада, да еще и с хлыстом в руках, подошел к приехавшему из Баку певцу-ханенде и, наклонившись, да так, чтоб всем было слышно, сказал:

– У председателя нашего к тебе пожелание...

– Пожалуйста, слушаю, – улыбнулся ханенде.

Тамада тоже улыбнулся в ответ:

– Наш председатель говорит, чтобы ты спел «Сейгях Мирзагусейна», и если ему понравится, то он даст в дар пару ковров – один ковер «Три цветка», а другой с конем.

После этих слов приехавший из Баку высокий, статный, плечистый ханенде улыбнулся в свои тонкие усы и так, чтоб было слышно только нагаристу, шепотом сказал музыканту:

– Э-э-э, слышь, ты все это записывай, э-э, не криви рот, а то потом забудем...

Дело в том, что до просьбы председателя ханенде за один килим исполнил мугам «Чаргях» по заказу главного деревенского табунщика, которому так понравилось исполнение, что он посулил музыкантам дополнительно комплект...

Да еще и двоюродный брат Фамиля Аскер пообещал ему ковер за исполнение «Гарабах шикестеси» – ну, а теперь председатель, что ж...

Короче говоря, зазвучал «Мирза Гусейн», да так зазвучал, что гости рты разинули и, покачиваясь на своих местах, слушали и слушали. Ханенде так зажег зал, что до конца свадьбы гости должны были превратиться в громадную кучу пепла размером в стог сена. Пел он очень энергично и воинственно, и люди, вспыхнув, горели до самого конца, превратились в пепел, и в центре палатки нагромоздилась куча пепла размером со скирду. В финале «Мюбарриги» он заржал, как молодой жеребец, так заголосил, что весь тот стог пепла, заполнивший палатку, заколыхался, и народ опять возродился из пепла и рукоплескал ханенде до посинения ладоней.

Вспыхнувший и испепелившийся вместе с народом, а затем вновь возродившийся из пепла председатель колхоза, подняв вверх три пальца, закричал:

– Три ковра! Три ковра! Три ковра! – хоть его голос был слышен только ему самому, три пальца его руки, поднятые над головой, ясно объясняли, что он хотел сказать.

Жаль, невозможно описать пером, как пел ханенде, ведь как можно описать пение? Оно ведь не поддается описанию... Песню можно только спеть, и ее спел ханенде...

Люди захотели танцевать, поэтому ханенде с таристом отправились на второй этаж дома Фамиля попить чаю в гостевой комнате. Народ в этой деревне очень любил потанцевать, и если б люди не стеснялись, то могли бы плясать до утра, и для этого им было вполне достаточно черной зурны и еще нагары.

Самый счастливый отец на свете, Фамиль, тоже пил чай с приезжими гостями. Председатель колхоза танцевал танец «Айвагюлю».

Фамиль обратился к ханенде:

– Ягуб, а почему ты не поешь в роли Междуна?

– Да я бы спел, но это было бы неправильно, – ханенде улыбнулся.

– Почему же неправильно? – удивился Фамиль.

– Понимаешь, дорогой... Ты, наверно, знаешь, кто написал «Лейли-Меджнун».

– Отчего же не знаю... Написали Низами с Физули. Иногда им помогал Самед

Бургун.

Ягуб, не выдержав, залился смехом, а когда пришел в себя, сказал:

– Написал Физули, – улыбаясь, ханенде покачал головой, – а музыку создал Узеир Гаджибеков... так что было бы неправильно...

– Ну почему же будет неправильно? – настойчивее прежнего спросил Фамиль.

– Сказать, почему? – Ягуб склонился ближе к нему.

– Говори...

– Если я выступлю в роли Меджнуна, то я так спою, что отец Лейли, проливая слезы ручьем, скажет, мол, халал тебе, забирай невесту. Тогда это нарушит всю работу Физули и Узеира Гаджибекова, они-то ведь написали все по-другому... Ну, а народ осудит меня за то, что вот, мол, он подвел своих ребят-земляков, Физули и Узеир Гаджибеков ведь оба родом из Агджабеди, свои люди, один из древнего, другой из нынешнего... да... вот так...

Фамиль спешно заговорил:

– А нельзя, чтоб ты всего разок стал Междуном, чтоб ее отец отдал дочку... ну, а затем опять уйдешь оттуда и не будешь петь.

– Пока что нельзя.

– Почему же?

– Правительство не пустит, скажут: вот вам и наш известный певец-ханенде – что ж теперь пенять на заведующего фермой...

Услышав слово «правительство», Фамиль резко замолчал и принял безнадежный вид.

Наутро после свадьбы вся деревня как будто опустела...

У Фамиля появилось желание рассказать об их разговоре с Ягубом Нисе, но затем он передумал, решил не говорить ей...

Вместо этого он лишил благословения того жертвенного барашка, что он подарил Молле Махмуду.

Ну, а свадебный шатер так быстро разобрали за ночь, что наутро от него не осталось и следа...

1 Апрель 2017 год